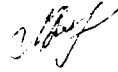

На правах рукописи

Мармилова Валерия Олеговна

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.)**

24.00.01 – Теория и история культуры
(исторические науки)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Астрахань – 2008

Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУ ВПО «Астраханский государственный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Романова Анна Петровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Команджаев Александр Нармаевич

кандидат исторических наук, доцент
Батрашев Даниар Кубашевич

Ведущая организация: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Защита состоится «26» декабрь 2008 г. в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.009.08 при ГОУ ВПО «Астраханский государственный университет» по адресу: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Астраханского государственного университета.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Е.В. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались активными процессами трансформации национальных и этнических культур. Этому способствовал ряд внешних и внутренних факторов, среди которых особую роль играли неоглобализм, информационные технологии, экономические и политические факторы, миграционные процессы и т.д. В целом эти процессы не могут быть однозначно определены как негативные или позитивные, однако их интенсивность очень часто имеет однозначно негативные последствия, так как региональные культуры не могут активно противостоять натиску, например, неоглобализма, не имея в своем распоряжении значительных материальных ресурсов. Национальные культурные парадигмы постепенно полностью вытесняются чужеродными, интродуцированными в отечественную культуру навязчивой коммерческой рекламой, строящейся на неоглобалистских принципах и не учитывающей национальной специфики. Процессы всеобщей консумеризации приводят к смене культурных ценностей у молодежи, размывая национальную или этническую самоидентификации. Все эти процессы можно проследить как на уровне отдельных личностей, так и на культурных моделях различных слоев населения. Они влияют как на индивидуальное поведение, так и на принятие административных экономических и политических решений. Таким образом, очень часто национальная культура оказывается под угрозой деформации. При этом она испытывает воздействие не одного, а множества факторов, приводящих порой к необратимым последствиям. Все это уже привело ученых, общественных деятелей, политиков к пониманию необходимости выработки механизмов защиты культурного наследия от пагубных последствий внешних воздействий.

Вместе с тем, мы осознаем, что культура – это постоянно изменяющаяся целостная система, а, значит, любые изменения закономерны и происходят в рамках внутренних культурных законов. Мы понимаем, что любые попытки насильственно прекратить или затормозить процессы трансформации не только обречены на провал, но могут возыметь и обратное действие, приводящее к отторжению национальных моделей.

Все это приводит нас к мысли о насущной необходимости формализации и типологизации как самих факторов, угрожающих культуре, так и разработке механизмов, способных снижать факторы риска при пагубном воздействии на национальную культуру. Мы также осознаем, что многие процессы, происходящие в обществе, не могут быть описаны в рамках классических терминов, особенно учитывая тот факт, что так и не было выработано единого определения понятия «культура». Имея в наличии несколько сот определений, мы не можем предполагать четкой выработки стратегии сохранения культурного наследия.

Актуальность данной темы становится очевидной не только в общероссийском масштабе, но, прежде всего, на региональном уровне, учитывая тот факт, что Нижняя Волга – полиэтничный регион, аккумулирующий различные этнические традиции и модели. На протяжении многих тысячелетий культурное наследие Нижней Волги формировалось на базе разнообразных культурных этнических парадигм, взаимообогащаясь и дополняясь новыми элементами. Но именно этот фактор приводит к тому, что перед населением региона и, прежде всего, перед Администрациями стоит огромная ответственность по сохранению гармоничных отношений как между всеми народами, проживающими здесь, так и между вновь пребывающими этническими группами и теми, кто издревле проживал на территории края, гарантируя сохранение культурного наследия края и давая возможность вновь прибывшим мигрантам развивать свои культуры.

Все это повышает важность таких компонентов культуры, как этнический и конфессиональный. Будучи регионом, где несколько столетий бытовали три мировые религии (христианство, ислам и буддизм), Нижняя Волга представляет плавильный котел, где этнический и религиозный факторы постоянно находятся в точке кипения, и вместе с тем оба эти фактора никогда не несли сколь-нибудь значительной угрозы. Однако их игнорирование в любой момент может привести к необратимым последствиям.

Вопросы культурного наследия касаются еще одной очень важной проблемы: соотношения традиции и инновации. Перед населением Нижней Волги и, прежде всего, перед специалистами, отвечающими за сохранение культурного наследия края, постоянно стоит вопрос о допустимости инноваций, модернизаций в их работе, поэтому очень важно четкое понимание границ, очерчивающих возможные пределы трансформации, определения на региональном уровне культурных ценностей, являющихся базисными для культурного наследия региона.

Сохранение культурного наследия в таком полиэтническом и мультикультурном регионе, как Нижняя Волга, является сложнейшей проблемой, требующей тщательного изучения и осмысления как учеными, так и общественностью. В этом проявляется актуальность данной темы.

Степень изученности проблемы. Сохранение культурного наследия осознается российскими и зарубежными учеными уже на протяжении более века. Очень остро вопросы сохранения культурного наследия поставлены в различных работах русского философа Николая Бердяева, особенно в таких, как «Духовное состояние современного мира», «Новое средневековье», «Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал “Путь”», «Кризис искусства»¹ и других, в работах Вячеслава Иванова², Н.О. Лосско-

¹ Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2.

² Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.

го³, Питирима Сорокина⁴. Как правило, все эти мыслители обращались к данной теме в силу активных перемен, отмечаемых ими в русском обществе, что порой приводило их к неутешительным выводам о наличии кризиса культуры. Это, в свою очередь, ставило перед ними задачу осознания характерных особенностей русской культуры и ее соотносительности с мировой культурой. На очень сходных позициях находился и такой известный знаток русской культуры, как академик Д. Лихачев, посвятивший ряд работ⁵ феномену культурного наследия России. Конечно, некоторые из указанных работ Д. Лихачева имели скорее публицистический характер, но их тональность и авторитет именитого ученого, специалиста по древнерусской культуре, несомненно, способствовали осознанию общественностью данной проблемы по сохранению культурного наследия.

Одним из сложнейших вопросов культурного наследия был вопрос дефиниции этого понятия. Если на уровне законодательной базы было все понятно, так как российское законодательство исходило из международно-го права, и, прежде всего, из документов ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия, то на уровне методологического обоснования возникало множество проблем, не решенных по настоящий момент. Все они проистекали из сложности понятия «культура» и из разницы методологических подходов к его определению. Эти подходы можно разделить на два наиболее встречающихся типа: деятельный и аксиологический. Исходя из разницы подходов, можно по-разному определять и понятие «культурное наследие». Аксиологический подход будет сужать это понятие лишь до уровня определенных культурных ценностей, деятельный – напротив, будет расширять его до бесконечности. Обсуждением проблем, связанных с дефиницией понятия «культурное наследие», занимались А.М. Кулемзин⁶, И. Калай, Т. Кван, Я. Аффлек⁷.

Риски, порождаемые кризисными процессами в культуре, изменения аксиологического характера, социальная аномия анализируются в работах С.И. Артановского, Е.И. Башкировой, А.В. Воронцова, П.С. Гуревича, А.Г. Здра-

³ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1991.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

⁵ Лихачев Д.С. Во имя будущего: О необходимости сохранять памятники старины // Литература и жизнь. 1960. 11 марта; Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12; Кому принадлежит история: О реконструкции центра Ленинграда // Советская Культура. 1965. 7 сентября; Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16; Нельзя уйти от самих себя: Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120; Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8; Раздумья о России. СПб., 1999; Русская культура. М., 2000 и др.

⁶ Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 1999. Вып. 1. С. 20–31.

⁷ New Heritage: New Media and Cultural Heritage. N.-Y., 2000.

вомыслова, М.С. Кагана, Н.И. Лапина, В.В. Локосова, Г.В. Осипова, А.О. Панфилова, В. Петренко, В.Г. Федотовой, А.В. Филиппова, А. Эфендиева и других⁸.

Роль массовой культуры и СМИ в трансформации культурного наследия рассматривают Ж. Бодрийяр, И.Л. Викентьев, А.А. Возмитель, В.З. Коган, К. Лоренц, Ортега-и-Гассет, А.С. Панарин, А. Парфрей, Е.В. Улыбина⁹.

Материальные памятники как часть культурного наследия в рамках памятниковедения анализировались П.В. Боярским и А.Н. Дьячковым¹⁰. Различными аспектами культурного наследия на Западе занимались Лаураджан Смит¹¹, Анастасия Страти¹², Х. Паланг и Г. Фрай¹³, Хавьер Грефф, Сильвия Пфлигер и Антонелла Ноя¹⁴, Барбара Хофман¹⁵, С.М. Хаслан¹⁶, Х. Сильверман¹⁷ и другие.

В России проблема культурного наследия разрабатывалась также в рамках проблем безопасности культуры¹⁸. Позднее проблемы культуры уже как фактора национальной безопасности поднимал А.Я. Флиер, о безопасности культуры писал А.С. Каплиев, культурную безопасность в региональном аспекте исследовали А.П. Романова, М.С. Топчиев, А.В. Ни-

⁸ Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М.: Наука, 1998; Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1997; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 3–12; Федотова В.Г. Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 9; Эфендиев А.Г. Общая социология. М.: Инфра-М, 2006.

⁹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999; Викентьев И.Л., Кайков И.К. Лестница идей. Новосибирск, 1992; Парфрей А. Культура времен Апокалипсиса. Екатеринбург, 2005; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

¹⁰ Боярский П.В. Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: теория, методика, практика. М., 1986; Дьячков А.Н. Памятники в системе предметного мира культуры // Памятники и современность. М., 1987.

¹¹ Smith L. Archeological Theory and the Politics of Cultural Heritage. N.-Y., 2001.

¹² Strati A. The Protection of the Underwater Cultural Heritage: An Emerging Objective of the Contemporary Law of the Sea. Martinus Nijhoff Publishers, 1995.

¹³ Palang H., Fry G. Landscape Interfaces: Cultural Heritage in Changing Landscapes. L., Springer, 2003.

¹⁴ Greffe X., Pflieger S., Noya A. Cultural Heritage and Local Development. Paris, 2005.

¹⁵ Hoffman B. T. Art and Cultural Heritage: Law, Policy, and Practice. N.-Y., 2006.

¹⁶ Haslan S.M. The River Scene: Ecology and Cultural heritage.

¹⁷ Silverman H., Ruggles D. F. Cultural Heritage and Human Rights. Urbana, 2007.

¹⁸ Кузнецов В.Н. Культура безопасности. М.: Наука, 2001. 320 с.; Кузнецов В.Н. Культура мира и возможность культуры безопасности // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век: Материалы IV Международной Кондратьевской конференции (Москва, 15–16 мая 2001 г.). М.: МФК, 2001; Кузнецов В.Н. Основы социологии культуры безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 1; Кузнецов В.Н. Культура безопасности современного российского общества. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 68 с.

кифоров¹⁹. В рамках культурной безопасности проблемы этнической, религиозной и конфессиональной безопасности рассматривали М.Ю. Вертий, В.М. Порохова, Н.В. Володина, Л. Хоперская, В.Н. Калинин, Ж.Т. Тощенко²⁰. Проблемы религиозного культурного наследия россиян в связи с угрозами, возникающими в сфере массовой религиозности, исследуют М. Воробьева, Ю. Гаврилов, В. Гараджа, К. Каарияйнен, М. Мчедлов, Е. Кофанова, Д. Фурман, А. Шевченко и другие²¹.

Целью исследования является анализ проблем сохранения культурного наследия на Нижней Волге в конце XX – начале XXI в.

Для достижения данной цели автором были поставлены следующие задачи:

- 1) определить понятие «культурное наследие» применительно к мультикультурному региону;
- 2) выявить методологическую модель изучения культурного наследия в современном обществе;

¹⁹ Каплиев А.С. Безопасность Российской культуры в контексте геополитической культуры России (история и современность) // <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=19297>; Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 181–187. И. Распутин. Культурная безопасность под угрозой 11.10.2007; Романова А.П., Топчиев М.С. Проблемы культурной безопасности и интеллектуальный потенциал Астраханской области // *Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтогенной ситуации на Юге России: Материалы Международной научно-практической конференции (16–17 ноября 2006 г.)*. Краснодар, 2007. С. 387–390; Романова А.П., Топчиев М.С. Этноконфессиональный аспект культурной безопасности в Астраханской области. Ислам и политика на современном Кавказе: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск; Никифоров А.В. Обеспечение национальной культурной безопасности в условиях создания единого образовательного пространства // *Центр региональных и трансграничных исследований ВолГУ, 2002* // <http://transbound.narod.ru/annual1/nikiforov>.

²⁰ Вертий М.Ю. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа в системе политико-правовых институтов государственно-конфессиональной безопасности / науч. ред. П.П. Баранов. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2004. 164 с.; Володина Н.В. Правовые аспекты судебной экспертизы и обеспечение безопасности России в сфере государственно-конфессиональных отношений // *Международная конференция в Екатеринбурге; Тощенко Ж.Т. Идеология и религия: взаимодействие или взаимозамещение? // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты: Материалы Международной научной конференции (20–21 апреля 2006 г., г. Ростов-на-Дону)*. Ростов н/Д., 2006. Ч. 1. С. 61.

²¹ Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России рубеже XX–XXI столетий // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2. С. 78–95; Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности веры и представлений о ее социальных функциях // *Социологические исследования*. 2005. № 6. С. 46–56.

3) проанализировать различные подходы к понятию «культурное наследие», способные повлиять на управление культурными процессами в регионе;

4) сопоставить границы традиции и инновации в рамках регионального культурного наследия;

5) выявить риски, связанные с угрозами по сохранению культурного наследия в крае;

6) определить место регионального культурного наследия в системе национального культурного наследия;

7) проанализировать методы управления процессами сохранения культурного наследия в регионе;

8) наметить возможные методы по сохранению культурного наследия на ближайшую перспективу;

9) определить перечень культурных объектов, требующих мониторинга их сохранности.

Территориальные рамки исследования охватывают Нижнюю Волгу, представляющую уникальное историко-географическое образование. Учитывая тот факт, что длительное время регион формировался в рамках единых административно-государственных структур, этническая история местных народов и инварианты региональных культур во многом сопоставимы. Вместе с тем, в отдельных субъектах Федерации (Астраханская и Волгоградская области, Республика Калмыкия) имеется ряд особенностей, характеризующих каждый субъект в отдельности. Таким образом, выбор данного региона в качестве объекта исследования обусловлен рядом специфических региональных факторов: исторических, этнологических, социальных и политических. К историческим факторам относится многовековая история народов края, в ходе которой сформировался уникальный хозяйственно-культурный комплекс, способствовавший мирному сосуществованию всех народов. Этнологические факторы включают полиэтничность, выразившуюся в наличии свыше 100 этнических групп, проживающих в регионе, поликонфессиональность (три мировые религии – христианство, ислам и буддизм – в виде нескольких десятков конфессий), хозяйственно-культурную специфику (наличие трех основных традиционных хозяйственно-культурных типов – земледелие, скотоводство, рыболовство). К региональным факторам следует отнести и геополитическое расположение региона, находящегося на пересечении торговых путей, и миграционных потоков.

Хронологические рамки исследования включают последнее десятилетие XX и начало XXI в. Начальный период исследования характеризуется резким изменением политической и культурной картины в крае, что не могло не привести к некоторым деструктивным последствиям, несшим угрозу социальной и культурной жизни населения края. Поэтому, начиная с середины 90-х гг. XX в., в регионе предпринимаются попытки регулирова-

ния культурных процессов. В силу множества обстоятельств культурные трансформации продолжаются по сей день.

Методологическая основа исследования. При проведении данного исследования автор диссертации руководствовался традиционными, устоявшимися в науке принципами: историзмом, системностью, объективностью. Принцип историзма дал возможность рассмотреть данную проблему в динамике. С этой целью автором использовался исторический метод в двух его аспектах: синхронии и диахронии. Синхронический подход дал возможность комплексного анализа мер по сохранению культурного наследия в регионе на современном этапе. Диахронический подход позволил проанализировать изменения в феномене культурного наследия за весь период исследования – с начала 1990-х гг. по 2008 г. включительно. В работе также был использован сравнительно-исторический метод, который дал возможность сравнивать разные этапы управления культурой в Астраханской области и региональные модели госуправления.

Источниковой базой диссертации являются самые разнообразные материалы: постановления местных органов власти, газетные и журнальные статьи, текущая документация национальных обществ, материалы местных радио- и телеканалов. Учитывая тот факт, что данная работа является первой работой, посвященной сохранению культурного наследия на Нижней Волге, можно с уверенностью говорить, что большинство документов, касающихся данной проблемы, вводятся в оборот впервые. Использование разнообразных материалов для исследования позволило глубже взглянуть на данную проблему, верифицировать официальные данные, а также подойти системно к анализу проблем сохранения региональной культуры.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа является первой научной работой, посвященной комплексному подходу к изучению культурного наследия в регионе, а также в научном анализе историко-культурных процессов на Нижней Волге, позволяющем выявить как причины, приводящие к деформации культуры, так и методы, способствующие снижению негативных факторов воздействия на культуру.

Сопоставив обширный массив различных источников, автор выявляет динамику культурных процессов, происходящих в регионе под влиянием неоглобализма, миграционных процессов, социальных и экономических кризисов и т.д. и показывает возможные пути сохранения культурного наследия в регионе.

В исследовании также проанализированы методы работы местных органов власти по управлению культурными процессами, прежде всего, в области этнокультурных и конфессиональных объединений.

Впервые в отечественной исторической литературе выявляются региональные особенности, связанные с культурным наследием, а также разрабатываются методы по преодолению негативного воздействия на региональную культуру.

Научная и практическая значимость исследования определяется тем вкладом, который вносит данная диссертация в дальнейшую разработку понятия «культурное наследие», а также анализом современной культурной ситуации в регионе и разработанными рекомендациями по преодолению кризисных процессов, приводящих к деформации культурного наследия.

Материалы диссертации могут быть использованы местными административными органами при разработке стратегии и тактики работы с этнокультурными и конфессиональными организациями, при работе по сохранению культурного наследия края.

Данные, собранные в ходе исследования, могут быть полезны при разработке учебных курсов для студентов университетов по различным проблемам регионалистики.

Апробация работы. Ряд основных положений диссертации прошел апробацию на ежегодных научных конференциях Астраханского государственного университета, а также отражен в 5 статьях, опубликованных в региональной и всероссийской печати. Материалы работы были использованы при подготовке спецкурса, прочитанного на факультете социальной коммуникации Астраханского государственного университета.

Структура диссертации и объем работы. Работа состоит из введения, двух глав (каждая из глав содержит три параграфа), заключения, библиографического списка, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, обозначаются хронологические рамки, формулируются цели и задачи исследования, его новизна, методологическая значимость.

Глава 1. «Сохранение культурного наследия как важнейшая парадигма функционирования человеческого общества». *Первый параграф «Культурное наследие как феномен исторического процесса»* посвящен анализу культуры с точки зрения ее функциональной специфики.

Культура – это сложное, размытое и многообразно дефинируемое понятие, прежде всего, в силу ее двойственной природы. На сегодняшний день ученые насчитали свыше тысячи определений культуры, многие из которых почти полностью опровергают друг друга. Как правило, в определении культуры преобладают описательные, нормативные, аксиологические, поведенческие (психологические), идеологические, деятельные и т.д.²². Все это усложняет не только понимание «культуры», но и производных от нее понятий. В данном случае понимание термина «культурное наследие» бу-

²² Бичеев Б.А., Романова А.П. Культурология: Евразийский контекст. Астрахань, 2007. С. 8–10.

дет во многом зависеть от того, как мы определяем термин «культура». Ясно, что аксиологический подход сузит понимание культурного наследия до уровня ценностей и потребует дополнительного определения термина «ценность». Хотя проблема оценки тех или иных объектов культурного наследия постоянно обсуждается в российской печати, это не имеет ничего общего с пониманием ценности. Оценка дается уже определенным объектам культуры, но ценность не рассматривается как культурная категория.

Сложность определения культурного наследия проистекает также из того, что одна часть культуры являет собой некую константу или постоянный концепт, который требует бережного сохранения и воспроизводства, по крайней мере, на достаточно большой временной отрезок. Именно он представляет культурный код, культурное ядро любой национальной и этнической культуры, который обеспечивает ее идентичность. Вторая сторона культуры – динамично развивающаяся, постоянно изменяющаяся, что дает возможность культуре выполнять адаптационные функции, отражая имманентные стороны общественного и природного бытия национальной или этнической группы.

Культура – многоуровневое образование, где наряду с самым широким понятием – «мировая культура», или «общечеловеческая культура» – тем концептом, что объединяет человечество в единое целое, существует огромное количество национальных, этнических, локальных культур, делающих человеческое существование разнообразным и ярким.

Как правило, в российской науке существует деление культуры на материальную и духовную, в связи с чем можно говорить о «материальном культурном наследии» и «духовном культурном наследии». Однако международная традиция, восходящая к документам ЮНЕСКО, использует другие термины, подразделяя культурное наследие на материальное, или вещественное (Physical or “tangible cultural heritage”), и нематериальное, или невещественное (“intangible cultural heritage”). Поэтому в отечественных документах можно встретить разные термины: «духовное наследие» и «невещественное наследие». Следует признать, что, несмотря на некоторую близость терминов, имеется и ряд серьезных различий.

Материальное культурное наследие включает здания или другие архитектурные сооружения, памятники, артефакты, которые требуют сохранения. Нематериальное культурное наследие включает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению куль-

турного разнообразия и творчеству человека»²³. Как видно из определения, принятого в Конвенции ЮНЕСКО, понятие нематериального культурного наследия будет значительно шире, чем «духовное культурное наследие».

В культурное наследие отнесены и различные экологические объекты, так как окружающая среда является неотъемлемой частью человеческого существования.

В XX в. с его глобализационными процессами, с постоянными локальными этническими и религиозными конфликтами возникли и продолжают углубляться угрозы и риски как для отдельных культур, так и для культуры человечества в целом. Это стало предметом беспокойства для многих социальных институтов – ООН, ЮНЕСКО и других. В параграфе проанализированы основные концепты культуры и культурного наследия.

Во втором параграфе «Сохранение культурного наследия как одна из функций культуры» речь идет о том, что сохранение культурного наследия является не только насущной необходимостью нашего времени, но и единственной возможностью трансляции культуры новым поколениям. Это продиктовано тем, что главными функциями культуры являются информационная, позволяющая познавать мир и передавать накопленный опыт следующим поколениям, нормативная (культура существует в рамках определенных норм, традиций и обычаев, в виде базисного набора культурных элементов или констант, что обеспечивает ее трансляцию следующим поколениям), коммуникативная, которая также невозможна без наличия определенных констант, разделяемых всеми членами общества. Кроме возможностей коммуникации, нормативная и информационная функции теснейшим образом связаны с адаптационной функцией, позволяющей отдельному человеку или группе людей приспосабливаться к природной или социальной среде. Без определенного культурного наследия человечество обречено или полностью деформировать окружающую среду, утратив адаптационную функцию, или в конечном итоге деградировать, уничтожив себя как вид.

Таким образом, существование культуры ставит перед человечеством задачу по осмыслению и сохранению культурного наследия.

Третий параграф «Проблема сохранения культурного наследия в свете международной, национальной и региональной стратегии развития» посвящен очень важной проблеме выработки стратегии развития и сохранения культурного наследия. В настоящее время культуре угрожает целый ряд факторов: «в одном случае чрезмерная защита национальной самобытности создает угрозу для культуры групп, относящихся к меньшинствам; в другом случае во имя религии испытанию подвергается культурная практика. Наконец, почти повсеместно под воздействием бурно развивающегося

²³ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. ЮНЕСКО. Париж, 2007. С. 3.

ся процесса глобализации исчезают языки, забываются традиции, отмечается маргинализация и даже уничтожение уязвимых культур. Опасность значительного сокращения спектра культурного разнообразия является весьма серьезной. Радуга над нашей планетой может стать одноцветной, что создаст угрозу для наследия будущих поколений и выживания человеческого рода»²⁴.

К этому списку угроз можно добавить естественное и искусственное разрушение материальных памятников культуры, в том числе в результате войн, террористических актов и вандализма. Определенной угрозой общечеловеческой культуре является ее упрощение, утрата самобытности в связи с процессами глобализации. Негативное воздействие оказывают и СМИ, формирующие менталитет молодежи, способствуя распространению агрессии и философии потребительства. Кроме этого, наличие международной, национальной и региональной системы ценностей очень часто входят в противоречие. Особенно остро это может ощущаться в полиэтнических и мультикультурных обществах. Типичным примером может служить уничтожение талибами статуй Будды, якобы оскорблявших чувства правоверных мусульман. Несмотря на некоторую категоричность данного примера, он наиболее полно демонстрирует ряд противоречий на разных таксономических уровнях культурного наследия. Говоря об определенных региональных культурных ценностях, мы не должны четко осознавать их место в системе международных ценностей, и наоборот, международные ценности не должны доминировать в отдельных случаях над региональными. С подобными проблемами мы часто сталкиваемся в случае с малочисленными народами, и, прежде всего, с их нематериальным культурным наследием.

Глава 2 «Сохранение культурного наследия в Нижнем Поволжье» посвящена конкретным аспектам сохранения культурного наследия в регионе. На основе полученных теоретических разработок, касающихся культурной безопасности, автор попытался проследить состояние проблемы культурной безопасности в Астраханской и Волгоградской областях, а также в Республике Калмыкия.

В первом параграфе *«Культурно-историческое своеобразие Нижней Волги»* раскрываются основные характеристики региона как полиэтничного и поликонфессионального.

Полиэтничность населения края – результат длительного совместного проживания различных этнических групп на Нижней Волге в различные периоды истории края и в различных потестарных и политических образованиях. Одним из первых мощных полиэтнических государств в регионе был Хазарский каганат, сложившийся в VII–X вв. с участием трех этнических компонентов: тюркоязычных хазар, аланских племен – индоевропей-

²⁴ Послание Генерального директора ЮНЕСКО в связи с проведением 21 мая Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития. Париж, 2007.

цев по языку – и евреев, переселившихся в Хазарию из Византии. Именно в этот период сформировался уникальный хозяйственно-культурный комплекс, основанный на трех типах хозяйства: скотоводстве (преимущественно тюрки), садоводство (аланы) и рыболовство (и тюрки, и аланы). Хазары-евреи занимались торговлей, что ни в коей мере не нарушало естественную традиционную модель, а позволяло активизировать поток товаров как в государстве, так и за его пределами, что, учитывая выгодное геополитическое расположение государства, превращало Хазарский каганат в мощную империю, объединившую под своей властью самые разнообразные народы.

Разные хозяйственные типы и наличие нескольких этнических групп позволяли сохранить в государстве и поликонфессиональность, выразившуюся в совместном существовании последователей тенгрианства, христианства, ислама и иуданзма.

Очень схожая хозяйственно-культурная модель существовала и в Золотой Орде со столицей Сарай-Бату. Правда, изначально это государственное объединение возникло с помощью совершенно иных способов, однако в дальнейшем насильственный фактор отошел на задний план, и внутренняя жизнь народов Золотой Орды имела столь же полиэтничный и поликонфессиональный характер, как и в Хазарии.

С возникновением русской Астрахани в 1558 г. полиэтничность края продолжала доминировать во множестве моментов астраханской истории. С приходом русских войск значительная часть астраханских татар переселилась в Крым, но часть продолжала селиться около русской Астрахани, смешиваясь с ногайцами и образуя новую этническую группу (юртовские татары).

Астраханский ученый, кандидат исторических наук В.М. Викторин, изучая историю астраханских татар, выдвинул концепцию «интерстадиала», то есть перерыва в преемственности исторического развития местного тюркского населения Астрахани. Согласно Викторину, астраханские татары переселились в Крым, а освободившиеся земли заняли ногайцы. Это привело, по его мнению, к складыванию на основе ногайцев Большой орды новой этнической группы, получившей название «астраханские», или «юртовские татары»²⁵.

Правда, это мнение не является однозначным, так как некоторые астраханские ученые-краеведы придерживаются других точек зрения. По мнению археолога Е.В. Шнайдштейн, истоки астраханских татар следует ис-

²⁵ Викторин В.М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству). С. 46–50; Викторин В.М. Этнополитический интерстадиал XVI–XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству): Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтничном регионе»). Астрахань, 1995. Ч. 1. С. 7–8.

кать еще в X в. в печенежской эпохе²⁶. Астраханский историк В.Н. Рябухин полагает, что об общности «астраханские татары» можно говорить с XIII–XIV вв.²⁷. Местный краевед Р.У. Джуманов возводит астраханских татар к хазарам²⁸. Все исследователи указывают на то, что в формировании юртовских, или астраханских, татар участвовали различные этнические группы.

Население города Астрахани формировалось из служилых людей, являвшихся представителями не только русской, но и других этнических групп, и торговцев (армян, персов, бухарцев и т.д.).

В начале XVII в. к этим разнообразным этническим группам добавились калмыки, или ойраты, перекочевавшие на Нижнюю Волгу из Джунгарии. В процессе разнообразных форм культурного диалога (торговых, политических, военных) калмыки оказались вписанными в социально-экономическую и политическую систему Русского государства, выполняя очень важную функцию защитников южных рубежей России.

Параллельно с этим в Астрахани на основе уже сложившихся городских слоев населения и пришлого населения восточных колоний формировался уникальный хозяйственно-культурный и антропологический типы, а также новые группы населения. Так, в результате взаимодействия юртовских татар и индийцев Индийского гостинного двора сформировались агыржанские татары. Помимо этой группы населения, возникли также татары Персидского двора, татары Бухарского двора и т.д.

Кроме вышеуказанных групп населения, большое влияние на формирование антропологического и культурного облика населения Нижней Волги оказывали выходцы с Северного Кавказа, прежде всего, черкесы, пополнившие число служилых людей (стрельцов, оружейников и т.д.).

Если говорить о населении северной части Астраханской области и западной части Волгоградской области, то здесь в формировании этнического своеобразия данных территорий сыграл казачий компонент. Особенно это касается Волгоградской области. На этой территории заметно влияние культуры донского казачества. В отдельных случаях велико влияние и немецких переселенцев: достаточно упомянуть немецкую колонию Сарепта (позднее Красноармейск, ныне территория Волгограда), просуществовавшую длительное время.

²⁶ Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX–XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 15; Шнайдштейн Е.В. О происхождении астраханских татар // Материалы второй краеведческой конференции. Астрахань, 1989. С. 29.

²⁷ Рябухин В.Н. К этногенезу астраханских татар // Материалы II краеведческой конференции. Астрахань, 1989. С. 37.

²⁸ Джуманов Р.У. Особенности формирования этносов Нижнего Поволжья // Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики: Материалы научного семинара (16–20 сентября 1989 г., г. Астрахань). Астрахань, 1989. С. 24.

В XVIII–XIX вв. влияние миграции различных этнических групп населения на Нижнюю Волгу еще больше усилилось. Это казанские, пензенские и волжские татары, чувашаи, мордва, русские, украинцы, пришедшие на Нижнюю Волгу по так называемому чумацкому тракту за солью и т.д.

В начале XIX в. по указу русского императора Павла I казахский хан Букей из малого казахского жуса получил право перекочевать на Нижнюю Волгу.

Началось переселение букеевцев на территорию Нижней Волги. Сюда вместе с Букеем пришли около 22775 казахов (5000 кибиток), спустя некоторое время к ним присоединились еще 1265 кибиток с 8333 казахами. Кроме казахов Букеевской, или Внутренней, орды, сюда пришли каракалпаки, туркмены, бухарцы, татары, хивинцы и даже армяне, кочевавшие вместе с букеевцами.

Таким образом, к XX в. население Нижней Волги состояло из самых разнообразных этнических групп: русских, калмыков, казаков, украинцев, белорусов, различных этнических групп татар, казахов, карагашей, армян, украинцев, азербайджанцев, персов, евреев и т.д.

Население края исповедовало три мировых религии (христианство, ислам и буддизм), которые были представлены в крае многочисленными конфессиями. Христианство было представлено русской православной, старообрядческой, армянской церквями и т.д., католичеством и различными протестантскими конфессиями, ислам – шиитами и суннитами, буддизм – ламаизмом тибетского толка. Кроме этого, следует упомянуть иудаизм.

Все это создавало пеструю этническую и религиозную картину в крае, приучая население региона жить в мире и согласии друг с другом. За многовековую историю края имеется очень мало событий, которые могли бы свидетельствовать о каких-либо межэтнических столкновениях в крае. Напротив, вплоть до конца XX в. многие этнические группы выступали сообща в решении важнейших политических и исторических задач.

Параграф второй «Проблема сохранения нематериального культурного наследия Нижней Волги» посвящен современной социокультурной картине в Астраханской области. Современные миграционные процессы вносят серьезные изменения в этническую и конфессиональную картину края. По переписи 2002 г., на территории края проживали представители 139 национальностей, что делает наш край одним из самых многонациональных в Российской Федерации. По официальным таблицам, около 70 % населения края продолжают составлять русские, следом за ними по численности идут казахи (14,19 %), затем татары (7,02 %), украинцы (1,25 %), чеченцы (1 %), остальные этнические группы составляют менее 1 % от общего числа населения области. Учитывая, что это данные только официальной статистики и не всегда они отражают реальную картину по миграционным потокам, можно предположить, что численность некоторых этнических

групп в крае намного выше. Это касается казахского населения, выходцев с Северного Кавказа, азербайджанцев и т.д.

Население Волгоградской области столь же многонационально, хотя, как и в Астраханской области, русские составляют большинство – 88,89 % от общего состава по переписи 2002 г. Следующими по численности этническими группами являются украинцы (2,09 %), казахи (1,68 %), татары (1,06 %), армяне (1 %), немцы, азербайджанцы, белорусы и другие насчитывают менее 1 % от общего числа населения области. Как видим, характер этнических процессов в Волгоградской области в целом сопоставим с подобными процессами в Астраханской области. В обеих областях за последнее время наметилось снижение русского населения и ряда других этнических групп, традиционно проживающих в крае (немцы, украинцы, белорусы), но увеличение численности казахов, азербайджанцев, армян и т.д.

Население Республики Калмыкия столь же многонационально, хотя в данном регионе мы наблюдаем совершенно иную картину: калмыки на 2002 г. составляют 53,33 % от общего числа населения республики, русские – 33,55 %, даргинцы – 2,49 %, чеченцы – 2,04 %, казахи – 1,71 %. Интересно, что за последнее время в Республике выросла численность турок (1 % от общей численности населения). Как и в Астраханской и Волгоградской областях, здесь мы наблюдаем сокращение численности русского населения; в Калмыкии она сократилась с 1970 г. почти на 12 %. Зато отмечается значительный рост выходцев с Северного Кавказа, что не может не влиять на общую культурную ситуацию в крае, трансформируя культурный фон: языковой, архитектурный, хозяйственный и т.д. Нередко подобная ситуация порождает определенную напряженность. Примером этому могут быть события в селе Яндыки Лиманского района Астраханской области, где в межэтнический конфликт были втянуты различные этнические группы двух территорий – Астраханской области и Республики Калмыкия.

Учитывая многонациональный характер населения региона, Администрации всех трёх субъектов Российской Федерации делают все необходимое для развития национальных культур на своих территориях. Практически ни одна этническая группа не чувствует себя отчужденной от культурной жизни региона, получая возможность сохранять и приумножать свою национальную культуру. Значительный вклад в развитие национальных культур делают национальные общества и национальные художественные коллективы. На территории Астраханской области действует свыше 25 областных и 17 районных национально-культурных обществ, а также 1 национально-культурная автономия и 3 национальных фонда. Ряд наших фольклорных ансамблей получил признание не только на астраханской земле, но и далеко за пределами края и даже за рубежом.

На территории области постоянно проводятся областные и районные национальные праздники, в которых принимают участие астраханцы всех национальностей, среди них Цаган-Сар, Наурыз, Сабантуй, День славян-

ской письменности и культуры, фольклорно-этнографические праздники Масленица и Зеленые святки (Троица).

Конфессиональный состав нашего края также разнообразен. На территории Астраханской области действуют 193 общины, представляющие интересы 30 конфессий. Основными общинами являются общины русской православной церкви (74), ислама (58), протестантских объединений (49), включая одну лютеранскую общину. Из христианских конфессий имеются 2 старообрядческие общины, 2 римско-католические общины и 1 община армянской апостольской церкви. Буддисты края объединены в 4 общины, имеется и одна иудейская община. Есть даже 1 община исповедующих религию вуду афрокарибского толка. Имеются и несколько оккультных общин.

138 общин из этого списка осуществляют свою деятельность на основании правовой регистрации, то есть являются полноправными религиозными организациями. Другие действуют лишь как добровольные объединения верующих, не обладая статусом юридического лица.

Многое для развития и сохранения культурного наследия в области делают различные музеи, объединенные в Астраханский государственный историко-архитектурный музей-заповедник: Краеведческий музей, Музей «Кремль», Музей культуры Астрахани, Музей истории города и другие. За последние годы различные музеи были образованы и за пределами города Астрахани в сельской местности: Музей Курмангазы Сагырбаева (село Алтынжар Володарского района), Музей истории рыболовства (село Икрыное Икрянинского района), Историко-краеведческие музеи (села Красный Яр, Черный Яр, поселок Лиман), Музей «Российский арбуз» (г. Камызяк), Музей «Селитренное городище» (село Селитренное Харабалинского района) и другие.

На территории Волгоградской области действует 45 национальных общественных объединения и национально-культурных автономий, работающих в тесной связи с Администрацией области и заботящихся о культурном наследии края. Подобную картину мы наблюдаем и в Республике Калмыкия.

Третий параграф «Сохранение культурных памятников, как один из способов сохранения культурного наследия в регионе» посвящен анализу функционирования памятников культуры и проблемам их сохранения. Культурно-исторический потенциал Астраханской области представлен памятниками истории и культуры федерального (45 объектов) и регионального (605 объектов) значения. В параграфе дан историко-культурный анализ и классификация памятников, внесенных в реестр, согласно решениям облисполкома и постановлениям главы Администрации области в разные годы. Наиболее значимыми с точки зрения культурного наследия РФ являются памятники археологии (городища, могильники, мавзолеи): городище Ак-Сарай и развалины феодального замка Давлет-Хана, XIII–XIV вв. (памятник расположен в 500 м севернее села Лапас, на левом берегу реки

Ахтуба и ее притока Ашулук)²⁹; городище Сарай-Бату, столица Золотой орды, XIII–XIV вв. (с. Селитренное)³⁰; грунтовый могильник «Разин», I тыс. н.э. (расположен к юго-западу от села Большое Разино, на левом берегу реки Куличье)³¹; грунтовый могильник «Федоровский», I тыс. н.э. (расположен в 0,8 км к западу от села Мултаново, на правом берегу реки Прорва)³²; мавзолей «Габбас-Тюбе» (расположен в 1,36 км к юго-востоку от поселка Новые Булгары, на левом берегу реки Бахтемир)³³; Мавзолей «Караульное», XIII–XIV вв. (расположен в 0,3 км к востоку от поселка Барановка, на левом берегу реки Кураульная)³⁴ и другие. Памятники архитектуры представлены усадьбами, подворьями, соборами, церквями, хурулом, костелом, мечетями, монастырями и ансамблем Астраханского кремля.

Система сохранения культурного наследия предполагает ряд мер и действий по защите, реконструкции, консервации культурных памятников.

Во-первых, были приведены в соответствие федеральная и региональная законодательные базы в области охраны объектов культурного наследия. Во-вторых, был принят ряд нормативных актов, в том числе и «Об условиях охранных обязательств в отношении объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, выявленных объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» от 18.10.2006 № 4-п. В-третьих, были усилены меры по предотвращению правонарушений, связанных с разрушением памятников культурного наследия. В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия, расположенных на территории Астраханской области, предотвращения их разрушения или причинения им вреда Министерством был подготовлен проект закона Астраханской области «О внесении изменений в Закон Астраханской области “Об административных правонарушениях”», устанавливающий административную ответственность за нарушения в области охраны объектов культурного наследия. Данный закон был принят 15 ноября 2006 г. В 2006 г. выдано 31 предписание нарушителям законодательства об охране памятников истории и культуры, заключено 440 охранных обязательств с пользователями и собственниками зданий-памятников и нежилых помещений в них, а также земельных участков, на которых расположены памятники археологии, оформлено 198 разрешений организациям и физическим лицам на право производства работ по исследованию и реставрации памятников истории и культуры, составлено

²⁹ Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960.

³⁰ Решение облисполкома № 204 от 01.04.1959. Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960.

³¹ Постановление Главы Администрации области № 496 от 22.11.2000.

³² Там же.

³³ Решение облисполкома № 37 от 25.01.1990.

³⁴ Там же.

440 актов технического состояния объектов, зарегистрировано 17 Открытых листа на право производства археологических раскопок и разведок.

К 450-летию юбилею города была проведена массовая реставрация памятников, в том числе Астраханского кремля.

В заключении автор подводит итоги работы, делает обобщения и выводы, предлагает рекомендации Администрациям областей по дальнейшему сохранению культурного наследия, а также по расширению форм работы в этом направлении с частным сектором, крупными региональными и национальными компаниями, национально-культурными автономиями и т.д.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Работа, опубликованная в перечне периодических научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Попова, В. О. Массовая культура как угроза культурной безопасности [Текст] / В. О. Попова // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 6 (19). – С. 75–78. – 0,2 п.л.

Работы, опубликованные в других научных изданиях

2. Попова, В. О. Религиозная безопасность: сущность, структура, основная проблематика [Текст] / В. О. Попова // Материалы семинара «Религиозная ситуация в ЮФО. Пути совершенствования законодательства в области государственно-конфессиональных отношений» (29 августа – 1 сентября 2006 г.). – Геленджик, 2006. – С. 14–19. – 0,4 п.л.

3. Мармилова, В. О. Взаимосвязь национальной и религиозной безопасности [Текст] / В. О. Мармилова // Материалы конференции «Молодежный экстремизм. Формы и методы противодействия». – Краснодар, 2007. – С. 92–96. – 0,25 п.л.

4. Мармилова, В. О. Информационная культура как элемент информационной безопасности [Текст] / В. О. Мармилова // Материалы Международной конференции «Электронная культура. Преодоление информационного неравенства». – Астрахань, 2008. – С. 183–185. – 0,1 п.л.

5. Мармилова, В. О. Традиционная славянская культура и современный мир [Текст] / В. О. Мармилова // Материалы III Кирилло-Мефодиевских чтений (22 мая 2008 г., г. Астрахань). – Астрахань, 2008. – С. 170–173. – 0,2 п.л.

Подписано к печати 21.11.2008.

Заказ № 1637. Тираж 50 экз.

Уч.-изд. л. 1,3. Усл. печ. л. 1,2.

Оттиражировано в Издательском доме «Астраханский университет»

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Тел. (8512) 61-09-07 (отдел маркетинга), 54-01-87, тел./факс (8512) 54-01-89

E-mail: asupress@yandex.ru